

«Яблочный вор» К. Драгунская

Реж. О. Субботина.

В ролях: М. Голубкина,

М. Дорожнин и др.

Театр сатиры

20, 25 и 28 марта в 20.00

Когда искусством занимаются женщины, получается либо нечто феминистское, либо «малиновые сопли». Так многие думают. Однако в новом спектакле о любви «Яблочный вор» все по-другому.

Просто драматург Ксения Драгунская, режиссер Ольга Субботина и актриса Мария Голубкина обладают правильным чувством юмора. О премьере рассказывает исполнительница главной роли — Мария Голубкина.

— Вы неплохо показали себя в кино. Отчего вдруг возник театр — душа запросила?

— Ну, вообще-то в Театре сатиры я работаю уже лет шесть. Что-то репетировала, что-то играла... Но такая роль и с таким режиссером — у меня впервые.

— А кто кого нашел — вы режиссера Субботину или она вас?

— Когда Субботину пригласили в наш театр, она предложила на выбор десяток пьес. Но они с Александром Ширвиндтом решили остановиться на современном русском материале. Оказалось, что поставить пьесу «Яблочный вор» Ольга мечтала давно, а образ героини у нее совпал с моим образом. У меня, кстати, тоже, когда я читала пьесу, было ощущение, что это — про меня.

— А вы не боялись женской режиссуры?

— Сейчас я еще и в кино снимаюсь у Веры Сторожевой (ее дебют — «Небо. Самолет. Девушка». — «МКБ») и могу сказать, что сегодня женская режиссура вызывает уважение. Порой она даже более логична, обоснованна и изобретательна, чем это бывает у мужчин.

— У премьеры «Яблочный вор» необычное название. Оно как-то связано с райским искушением?

— Нет. (Смеется.) Но напрямую раскрывать его не буду. Там много-много-много планов. Двумя словами — это спектакль о любви и одиночестве.

— При этом пьесы Драгунской всегда немножко хулиганские...

— Думаю, это не хулиганство, а скорее большая ирония. У драматурга редкое чувство юмора, которое я очень уважаю.

— А каков жанр постановки?

— Вот не стала бы я конкретизировать! Это не мелодрама. У нас, как стоит в подзаголовке, — «пьеса о городском снеге». Первому снегу все радуются, а весной, когда он становится серым и некрасивым — торопят его конец. Мы рассказываем обо всех нас, о том, что наша жизнь тоже состоит из сезонов, из «времен года», и они, увь, скоротечны.

— Трудно играть любовь?

— Непонятно, как ответить. Трудно играть одиночество, горе, счастье? Если трудно играть, то и нечего заниматься этой профессией. От процесса репетиций я получала массу удовольствия.

— Ваш семейный опыт пригодился в этой работе?

— «Душа обязана трудиться и день, и ночь...» Так что в дело пошел весь мой человеческий опыт, и жизненный вообще, и семейный в частности.

— Часто в современных пьесах персонажи употребляют ненормативную лексику.

— Из ненормативной лексики у нас есть вот что: фью-фью-фью... (Свистит.) Просто существует история, которую мы хотим рассказать, и главная мысль, которую пытаемся донести. А форма лишь помогает.

— Кстати, сюжет так и остался неясен.

— А его невозможно объяснить, потому что это больше, чем просто история. Как невозможно объяснить душу — по большому счету ее можно лишь почувствовать. Вся пьеса состоит из телефонных звонков: восемь персонажей постоянно говорят по телефону.

— На первые спектакли приходит много знакомых. Любите, когда в зале близкие?

— Да, мне комфортнее, когда среди публики есть кто-то из своих. Это хорошо, это стимулирует.

— МАРИЯ СПЕРАНСКАЯ

МК Бульвар — 2003 — 24 марта — с. 59